

Т 30
145

40

ЭКОНОМИСТЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

УКАЗАТЕЛЮ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ,

СТАТИСТИЧЕСКОМУ И ПРОМЫШЛЕННОМУ ЖУРНАЛУ,

ИЗДАВАННОМУ

И. Вернадскимъ.

ТОМЪ II.

КНИЖКА I.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
1859.
12224-83

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

1859 Эк-Т

Т II
КН

Р-92-1859

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Конгрессъ, недавно бывший въ Брюссель, подъ названіемъ Congrès de la propriété littéraire et artistique, какъ известно, состоялъ болѣе, нежели изъ 300 человекъ, между которыми было много литературныхъ и даже административныхъ знаменитостей. Этому конгрессу предстояло, между прочимъ и прежде всего, рѣшить важный вопросъ о началахъ литературной и художественной собственности. Въ чемъ состоитъ право собственности интеллектуальной? Различается ли оно, и въ чемъ, отъ прочихъ родовъ собственности? Въ чемъ состоятъ предметы, на которые литераторъ, ученый и артистъ могутъ имѣть право собственности? Вотъ вопросы, которые надо было конгрессу рѣшить предварительно; но которыхъ онъ или не тронулъ, или, по нашему мнѣнію, рѣшилъ неудовлетворительно.

Въ конгрессъ было два рода мнѣній, имѣющихъ всякій своихъ защитниковъ. Одни полагали, что право интел-

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 5 февраля 1859 года.
Ценсоръ П. Новосильскій.

лектуальной собственности, такъ какъ и всякой другой, есть право действительное, и потому оно должно быть повсемѣстно признано и гарантировано; другіе наоборотъ,—безусловно отвергали это право. Не входя въ разбирательство оснований и поводовъ того и другаго мнѣнія, не присвоивая себѣ права суда надъ ними, можно однакожъ требовать отъ последователей того или другаго мнѣнія логической послѣдовательности принципамъ. Очевидно, разумное и справедливое рѣшеніе этого вопроса должно необходимо признать справедливость за однимъ какимъ-нибудь мнѣніемъ: или должно признать действительность права интеллектуальныхъ дѣятелей, или ее отвергнуть; средина логически не возможна, потому что эти два мнѣнія взаимно исключаютъ другъ друга. Конгрессъ однакожъ, въ своемъ рѣшеніи, основался на этой срединѣ, именно онъ рѣшилъ: что право интеллектуальной собственности должно быть признано, но должно имѣть свое дѣйствіе только на 50 лѣтъ, послѣ смерти автора и его жены. Если право интеллектуальной собственности—право действительное, то на какомъ основаніи ограничивать его дѣйствіе временемъ? на какомъ основаніи отнимать его послѣ истеченія какого бы то ни было срока? Если же оно не действительное, то почему его признавать хотя бы временно? Основанія этого рѣшенія заключаются все въ началѣ рѣчи действительнаго председателя конгресса, бельгійскаго министра внутреннихъ дѣлъ Ш. Федера. «Мы, какъ я вижу (сказалъ онъ), все согласны въ необходимости провозгласить основнымъ принципомъ однообразное, повсемѣстное и международное признаніе интеллектуальной собственности; пользование этой собственностью должно быть гарантировано въ самомъ обширномъ видѣ, но въ границахъ, определяемыхъ разсудкомъ? и въ видахъ

возвращенія въ общій фондъ человеческого ума, сокровищъ, составляющихъ достояніе избранныхъ умовъ, которые, послѣ временнаго пользованія ими, собираютъ безконечно честь, славу и благодарность людей; а денежки-то книгопродавцы ужъ возьмутъ себѣ).» И такъ, лозунгъ приверженцевъ невозможнаго рѣшенія, принятаго конгрессомъ, какъ видите, есть: «Польза или интересы общества.» Покамѣстъ анализъ выкажетъ цѣну этого лозунга, здѣсь только замѣтимъ, что ограниченіе по времени права интеллектуальной собственности, по нашему мнѣнію, при рѣшеніи принципа, тождественно съ его совершеннымъ отверженіемъ; и потому, мы постараемся анализировать только доводы защитниковъ двухъ крайнихъ, двухъ логически возможныхъ мнѣній, а послѣ того разобрать и самъ принципъ интеллектуальной собственности, рѣшить основные вопросы, приведенные нами въ началѣ.

Первый говорилъ въ защиту неограниченнаго права собственности г. Брѣлье. Сущность его рѣчи состоитъ въ томъ, что хотя онъ, г. Брѣлье, и знаетъ, что на основаніи справедливости и здраваго смысла, право интеллектуальной собственности должно бы быть вѣчно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знаетъ и то, что невозможно измѣнить вдругъ въ этомъ отношеніи существующія законоположенія, а потому желаетъ только, чтобы конгрессъ, выразивъ желаніе о постепенномъ введеніи въ законодательство положеній, клонящихся къ увѣковѣченію права интеллектуальной собственности, представилъ это желаніе законодательнымъ властямъ. Впрочемъ рѣчь г. Брѣлье была *заглушена* въ конгрессѣ интERRUPTІЯМИ и возгласами (вѣроятно происходившими со стороны книгопродавцевъ).

Другимъ защитникомъ, и защитникомъ энергическимъ

правъ интеллектуальныхъ дятелей, въ конгрессъ былъ г. Ю. Симонъ. Въ началъ своей рѣчи, онъ старался очистить литераторовъ, ученыхъ и артистовъ отъ упрека въ меркантильности, отъ нареканія, что будто бы они ищутъ не *славы*, но *денегъ* (со стороны книгопродавцевъ - издателей, и т. д. и т. д., — упрекъ въ своемъ родѣ единственный!), онъ сказалъ основательно, что если интеллектуальные дятели ищутъ денегъ, то это потому, что деньги, и единственно деньги — въ обществѣ даютъ независимость. Въ самомъ дѣлѣ, жалкое существо представлялъ бы въ обществѣ тотъ, кто, обладая самою колоссальною литературною, ученою или художественною *славою*, не имѣлъ бы *ни гроша дохода*; а очевидно, что интеллектуальные труженники *дохода* могутъ получать только единственно отъ своего *труда*, а следовательно для обезпеченія этого дохода необходимо, чтобы они пользовались неограниченнымъ правомъ собственности *на произведенія этого труда*. Вся неослѣдовательность рѣшенія конгресса произошла отъ того, что онъ не трудился предварительно рѣшить основательно одного изъ приведенныхъ выше фундаментальныхъ вопросовъ: Въ чемъ состоятъ произведенія интеллектуальнаго труда, могущія составлять предметъ права интеллектуальной собственности? Въ чемъ состоятъ предметы, на которые ученый, литераторъ или художникъ могутъ предъявить право собственности?

Дальше, мы старались, по силѣ возможности, рѣшить этотъ основной вопросъ, и, какъ намъ кажется, основательно; теперь займемся рѣчью г. Симона.

Онъ говоритъ далѣе, что хотя интеллектуальные дятели не жадны, но не могутъ принять отъ общества за свои труды ни милостыни, ни привилегія, и желаютъ единственно признанія ихъ *права*, буди оно существуетъ.

Рѣшительно да! Нѣтъ середины; или интеллектуальный дятель имѣетъ право собственности на свое произведеніе, или нѣтъ, или стало быть нужно это право признать, или его отвергнуть.

Г. Симонъ продолжаетъ замѣчаніемъ, что нужно защищать собственность, и что онъ, какъ прямой ея защитникъ, видитъ только два рода доказательствъ, которыми можно употребить противу тѣхъ, которые бы желали раздѣленія собственности; это или употребить противу нихъ *стычки*, или указать имъ на *святость и неприкосновенность труда*. По нашему мнѣнію, рѣшительно тѣ же аргументы надо употребить и относительно желающихъ, во имя какихъ бы то ни было интересовъ, завладѣть плодами труда интеллектуальнаго.

«Я не слышалъ (говорить г. Симонъ) ни одного доказательства противу собственности интеллектуальной, котораго нельзя бы было обратить противу собственности вообще. Совершенно очевидно, что въ этомъ случаѣ вы употребляете аргументы коммунистовъ, и я вамъ предсказываю, что рано или поздно эти аргументы обратятся противу васъ самихъ.»

«Въ чемъ состоитъ сущность доводовъ противниковъ интеллектуальной собственности? Намъ сказали, что мы противопоставляемъ право индивидуальное праву общества, что человечество имѣетъ нужду въ нашихъ произведеніяхъ, и что мы должны отказаться отъ своего права въ пользу человечества. Но масса пролетаріевъ вамъ скажетъ, если рѣчь пойдетъ о чудесныхъ аріяхъ Россіи: *Вамъ нужны пьески, а намъ нужна хлѣбъ!* Что касается до меня, то я, какъ защитникъ права собственности вообще, признаю вамъ, что подобные аргументы меня ужасаютъ. Вамъ не остается сказать въ защиту вашего мнѣнія ничего, кромѣ только того, что интеллектуаль-

ная собственность имѣетъ характеръ спеціальнѣйшій, и что природа интеллектуальнаго труда совершенно иная, нежели природа труда промышленнаго. Я думалъ, что этотъ аргументъ давно оставленъ.

«Но скажутъ: если признать право неограниченной собственности за трудомъ интеллектуальнымъ, то предстоитъ опасность отъ возможности уничтоженія ученаго, литературнаго или художественнаго произведенія, что противно интересамъ общества. Но я васъ спрашиваю, теперь, когда право интеллектуальной собственности ограничено, развѣ эта опасность не существуетъ?»

«Почтеннѣйшій г. Федеръ сказалъ, что литературная собственность можетъ быть сравнена съ собственностью открывателя новой идеи, и что если бы изобрѣтателю книгопечатнаго станка изобрѣтеніе это принадлежало въ исключительную собственность, то онъ могъ бы его уничтожить».

«Чтожь изъ этого? (замѣтимъ это) — если общество имѣетъ интересъ въ томъ, чтобы какое-нибудь изобрѣтеніе не было уничтожено, то оно можетъ или заплатить за него, т. е. признать изобрѣтателю право собственности, или воспользоваться имъ даромъ, но тогда оно совершаетъ похищеніе чужой собственности.

«Г. Воловскій сказалъ, что мы хотѣли запретить подражаніе; но это несправедливо. Надо дѣлать различіе: никто и никогда не затѣвалъ тяжбы за поддѣлку идеи, но за поддѣлку книги. Напр. Декартъ, въ своей *речи о методахъ*, предлагаетъ, какъ орудіе для открытія истины, *методическое сомнѣніе*. Онъ имѣетъ право собственности на свою *речь*, но ни мало на *сомнѣніе*, посредствомъ котораго онъ научилъ человечество отыскивать начала. Это сомнѣніе, эта истина, принадлежатъ вообще человечеству.»

Очевидно г. Ю. Симонъ правъ; но онъ въ свою очередь не вникнулъ подробно и основательно въ сущность права собственности вообще и въ сущность права собственности интеллектуальной въ особенности, именно онъ не рѣшилъ основнаго вопроса: что можетъ быть предметомъ права собственности интеллектуальной? Въ чемъ состоятъ предметы, на которые интеллектуальные дѣятели могутъ предъявить право собственности? Но пока разъяснимъ этотъ вопросъ, будемъ продолжать изслѣдованіе доводовъ противной стороны. *Audiatur et altera pars.*

Изъ противниковъ права собственности интеллектуальной, самымъ опаснымъ, по своему авторитету въ наукѣ, былъ г. Воловскій. Онъ, хотя и отвергаетъ это право, но, какъ бы почувствовавъ угрызенія совѣсти, и повинаясь невидимому голосу правды и справедливости (онъ вѣдь юристъ замѣчательный), уступаетъ (неизвѣстно впрочемъ на какомъ основаніи) пользованіе этой собственностью на 50 лѣтъ послѣ смерти автора и его жены.

Собственно мы займемся изслѣдованіемъ мнѣнія г. Воловскаго; это мнѣніе выразитъ собою сущность всѣхъ такого рода мнѣній. Замѣтимъ только, совершенно мимоходомъ, что вѣжкій г. Камель, адвокатъ изъ Парижа, выразилъ мнѣніе, что мысль, идея, по существу составляющихъ ее элементовъ, не можетъ быть угодоблена какой-нибудь собственностью движимой или недвижимой (очевидно г. Камель самъ не понимаетъ, что говоритъ; что это за *элементы мысли, идеи?* и въ чемъ эти *элементы* различаются отъ *элементовъ* напр. недвижимой собственности? Темна вода во облацѣхъ небесныхъ, но все эти *элементы* г. Камеля еще темнѣе). Г-нъ Камель утверждаетъ, что человекъ, какъ существо ограниченное, не можетъ претендовать на *вѣчность своей мысли*. (А мы полагали, что Ньютонова теорія тяготѣнія до

онх *норь* существует, что Платона тоже не пропала; но вот г. Камель разувряет насъ въ этомъ). Что во всякомъ индивидуальномъ твореніи (conception) есть основаніе, принадлежащее обществу, что авторъ этого творенія, мысли, идеи, концепціи, можетъ пользоваться ими въ тишинѣ своего кабинета, созерцательно, но какъ скоро онъ ихъ публикуетъ, то они перестаютъ ему принадлежать, и что тогда общество можетъ предъявить свое право. Но со всѣмъ тѣмъ, г. Камель признаетъ право интеллектуальныхъ дѣятелей пользоваться ихъ трудами въ теченіи 50 лѣтъ послѣ смерти автора. Очевидно, это мнѣніе не заслуживаетъ опроверженія. Что въ немъ вычрессно, это безъ сомнѣній неподражаемая мысль: *пользоваться созерцательно съ тишинъ кабинета, — это дѣйствительно безпоходно!*

Г. Федеръ рѣшительно объявлялъ, что не хочетъ разбирать предмета философии (т. е. логически, на основаніи принциповъ, какъ бы это следовало сдѣлать), а желаетъ его изслѣдовать *практически*. Онъ говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ надо имѣть въ виду интересы авторовъ въ ихъ соприкосновеніи съ интересами общества, и рѣшить, что выгоднѣе для авторовъ: вѣчность ли права интеллектуальной собственности или его ограниченность во времени? И въ отвѣтъ на этотъ интересный вопросъ, самъ себя спрашиваетъ остроумно: гдѣ теперь дѣти Вольтера, Жанъ Жака, Молиера, Гете, Шекспира? На этотъ остроумный вопросъ самъ онъ себя долженъ и отвѣчать. Удобняють, говоритъ онъ, собственность литературную *изобрѣщенію матеріальному* (sic); по этимъ изобрѣщеніямъ признается ли право вѣчной собственности. Если бы даровано было право вѣчной собственности типографской машинѣ Гуттенберга, то *можетъ бытъ* ее приобрѣлъ бы фанатическій монахъ и лишилъ

бы міръ распространенія свѣта наукъ». Эта вопроситель-но безответная рѣчь, это рѣшеніе, основанное на *можетъ бытъ*, въ дѣлѣ столь важномъ, потому только замѣчательно, что возымѣла начало въ конгрессѣ, что явилась въ собраніи 300 лицъ, между которыми были разного рода знаменитости. Еще разъ: не въ томъ дѣло, имѣетъ ли общество или не имѣетъ интереса пользоваться извѣстнымъ благомъ, но въ томъ: должно ли оно или не должно *платить* за это пользованіе?

Г. Воловскій замѣчалъ, что все затрудненіе въ этомъ вопросѣ проеходитъ отъ того, что смѣшиваютъ право на *продуктъ созданный* съ правомъ на *воспроизведеніе* этого продукта. «Право на продуктъ, — это право Молиера на его Мизантропа, право Рафаэля на его Сикстинскую Мадону; но право воспроизведенія этихъ твореній принадлежитъ человечеству» (неизвѣстно только на какомъ основаніи?). Онъ окончилъ свою рѣчь словами:

«Въ настоящее время изобрѣтателя типографскаго станка наградили бы двадцатилѣтнею привилегіею; пускай же лица, которая пользуются его изобрѣтеніемъ, довольствуются собственностью своихъ произведеній пожизненно.» (Знаки одобренія, со стороны книгопродавцевъ). Очевидно, вы почтенный ораторъ, ни его одобрятели, не выикнули въ сущность вопроса. Если кто-нибудь смѣшалъ право на *продуктъ созданный* съ правомъ на его *воспроизведеніе*, то мы докажемъ дальше, что г. Воловскій не рѣшилъ основательно вопроса: что можетъ быть предметомъ интеллектуальной собственности. Тамъ же найдеть мѣсто и разсужденіе о *привилегіяхъ на изобрѣтенія*.

Всѣ эти пренія происходили въ засѣданіи конгресса 29 сент. п. с. Въ томъ же засѣданіи г. Воловскій сказалъ: «Я не хочу входить въ метафизическія изслѣ-

дованія (удивительно только, почему г. Воловскій не хотѣлъ входить въ изслѣдованія политико-экономическія, а ларчикъ бы открылся...). Меня поражаетъ одно различіе между собственностью промышленною и интеллектуальною, и я настаиваю на томъ, чтобы обращено было вниманіе на это различіе.» «Различіе между этими двумя родами собственности существуетъ такое же, какое существуетъ между правомъ *дѣлать*, т. е. *правомъ прикладывать свой духъ къ матеріи*!!! Право это должно принадлежать кому-нибудь, потому что оно не можетъ принадлежать всемъ (вотъ резонъ такъ резонъ) и между правомъ *запрещать другимъ дѣлать*, правомъ препятствовать другимъ объявлять мысль, которую они возымѣли, форму которую они себя усвоили и которую они въ свою очередь желаютъ примѣнять къ матеріи. Это различіе огромно.»

Далѣе г. Воловскій надѣется, что *здравый смыслъ* человечества воспрепятствуетъ враждебнымъ демонстраціямъ противу собственности, благо этотъ же *смыслъ* учредилъ вездѣ положеніе о временномъ пользованіи правомъ интеллектуальной собственности. Рѣшительно не понятно, какимъ образомъ одинъ и тотъ же *здравый смыслъ*, не сдѣлавшись предварительно больнымъ, можетъ разъ защищать право собственности, другой разъ его отвергать.

Это мнѣніе оратора ничѣмъ не отличается отъ приведеннаго прежде его же мнѣнія, развѣ только темнотою выраженія. Что это такое — *право прикладывать свой духъ къ матеріи*? (*le droit d'appliquer son esprit à la matière*) и логично ли заключеніе: такъ какъ это право (прикладывать духъ къ матеріи!) не можетъ принадлежать всемъ (почему право прикладывать духъ къ матеріи не можетъ принадлежать всемъ? всѣ могли бы

пожалуй вмѣстѣ духъ приложить къ матеріи), то потому должно принадлежать кому-нибудь?» Вѣроятно это значить, что право это не можетъ быть общее, принадлежать обществу, а должно быть индивидуальное. Даже допустивъ, что *прикладываніе духа къ матеріи* и можетъ составлять право, слѣдуетъ все-таки доказать, что оно не можетъ принадлежать обществу.

Ораторъ очевидно хотѣлъ здѣсь выразить то мнѣніе, что авторъ литературнаго произведенія, ученой книги, музыкальной пьесы, картины, статуи и т. д., развѣ вложивъ свою мысль, истину, идею, въ книгу, бумагу, холстъ, дерево, мраморъ, и продавъ эту книгу, холстъ, мраморъ, тѣмъ уже получаетъ вознагражденіе за свой трудъ и больше ему претендовать нечего, совершенно подобно тому, какъ производитель сапоговъ, шивъ ихъ, вложивъ свой трудъ въ кожу и продавъ ихъ, не имѣетъ больше права на эти сапоги; — и какъ авторъ книги, такъ и авторъ сапоговъ не могутъ больше запрещать кому-либо воспроизводить эту книгу, и эти сапоги. Очевидно, что г. Воловскій признаетъ за интеллектуальными дѣятелями только право собственности на книгу, картину и т. д.; право же собственности автора на идеаль, мысль, заключенные въ бумагу, мраморъ, отвергаетъ. Далѣе, когда будемъ разбирать принципъ собственности вообще, найдемъ мѣсто и оцѣнку этого мнѣнія почтеннаго доктора, теперь только выразимъ удивленіе, почему онъ предоставилъ пожизненно автору право препятствовать воспроизведенію его книги, а не предоставилъ того же права сапожнику относительно сапоговъ? Рѣшительно не понятно, какъ эта мысль не поразила самаго автора. Никакимъ образомъ нельзя допустить рѣшенія, принятаго по этому дѣлу конгрессомъ: его несправедливость, шаткость началъ, на которыхъ оно основано, поражаютъ всякаго.

Между прочимъ г. Гецель, издатель и самъ человекъ очень умный и даровитый, повинуюсь въ этомъ отношеніи голосу правды и справедливости, протестовалъ противъ этого рѣшенія въ письмѣ къ директору Indér. Belge (№ 276. 3 окт.). Г. Гецель, хотя и не рѣшилъ основательно вопроса о томъ, что можетъ составлять предметъ интеллектуальной собственности, и потому признаетъ эту собственность безграничною, только по инстинктивному побужденію совѣсти, тѣмъ не менѣе его мнѣніе замѣчательно, по нашему крайнему разумѣнію, тѣмъ, что, соглашая интересы общества съ интересами интеллектуальныхъ дѣятелей, оно представляетъ собою возможность перехода отъ существующихъ теперь по этому предмету законоположеній къ положеніямъ болѣе рациональнымъ. Сущность его мнѣнія состоитъ въ томъ, что его авторъ, признавая безграничное право собственности за интеллектуальными дѣятелями, для охраненія вмѣстѣ и интересовъ общества, желаетъ, чтобы послѣ перваго изданія интеллектуальнаго произведенія, послѣдующія затѣмъ изданія имѣли право дѣлать всякій, за уплатою предварительно автору извѣстнаго вознагражденія. Чтобы и этими вознагражденіями пользовались всѣ наследники автора до безконечности.

Не наша задача разбирать большую или меньшую практичность этого мнѣнія, которое впрочемъ предполагаетъ защищать самъ авторъ его; мы предположили изслѣдовать принципъ интеллектуальной собственности, т. е. рѣшить вопросъ въ чемъ состоитъ собственно интеллектуальная собственность; вопросъ, который прежде всего должно было рѣшить Брюссельскому конгрессу, чего онъ однако не сдѣлалъ, и въ чемъ его г. Гецель справедливо упрекаетъ.

Что такое право собственности? Истекаетъ ли это пра-

во изъ природы вещей, основано ли оно на непреложныхъ и неотмѣнимыхъ законахъ существованія человеческого общества, или только составляетъ проявленіе произвола человеческого?—По самой сущности своей природы, человекъ, для поддержанія своего существованія, имѣетъ нужду въ различныхъ предметахъ, могущихъ удовлетворять его потребностямъ, безпрестанно возражающимся. Предметы эти состоятъ или изъ вещей матеріальныхъ (это мнѣніе общепринятое, въ послѣдствіи увидимъ, совершенно ли оно вѣрно), или изъ благъ невещественныхъ. Если пища, одежда, жилище, комфортъ и т. д. необходимы человеку, то ему равно необходимы истина, добро, и красота; психологія наравнѣ съ исторіею убѣждаютъ въ справедливости этого положенія. И собственно говоря, не сами матеріальныя вещи нужны человеку, но ихъ качество удовлетворяетъ его потребностямъ, такъ что богатство есть не что иное, какъ сумма цѣнностей. Это сказалъ еще Ж. Б. Сэй. Притомъ человекъ, вполне достойный этого имени, человекъ, стоящій на извѣстной степени развитія, даже на удовлетвореніе самыхъ грубыхъ своихъ потребностей (если только могутъ быть потребности грубыя) налагаетъ печать идеальную. Если промышленность необходима для удовлетворенія потребностей человека, то сама эта промышленность не можетъ существовать безъ развитія наукъ. Вотъ почему, надо замѣтить кстати, никакимъ образомъ нельзя рѣзко отличать благъ и интересовъ человека матеріальныхъ отъ его интересовъ и благъ нравственныхъ. Оба эти рода интересовъ сливаются въ понятіи интересовъ человеческихъ.

По самой природѣ вещей, по закону непреложному и ни мало не зависящему отъ человеческого произвола, какъ независимъ отъ его произвола и собственный его

организмъ, чловкъ удовлетворенія своихъ потребностей можетъ достигнуть только посредствомъ труда, который въ теперешнемъ его развитіи принимаетъ названіе промышленности. Изъ непреложной и законной нужды чловкъ поддерживать жизнь, удовлетворять потребностямъ, и изъ труда, равномерно вытекающаго изъ непреложнаго и неотвѣнимаго закона существованія чловка, изъ труда, направленаго на пріобрѣтеніе необходимыхъ чловку *благъ*, происходитъ понятіе собственности. Собственность есть *право* чловка, основанное на природѣ вещей, на законѣ непреложномъ, дѣйствовать на природу, для извлеченія изъ нея среды и подчиненія себя разныхъ предметовъ и благъ, служащихъ для удовлетворенія его потребностей, и извлеченные посредствомъ этой дѣятельности изъ массы природы предметы и блага употреблять въ свою пользу исключительно. Итакъ въ правѣ собственности заключаются два понятія: 1) Право чловка дѣйствовать на природу для приведенія въ исполненіе его цѣлей. 2) Право чловка употреблять въ свою пользу исключительно результаты этой дѣятельности. Не думаю, чтобы нашелся чловкъ, не лишенный здраваго смысла, который бы отвергалъ это право. И называйся онъ коммунистъ, социалистъ, радикаль или консерваторъ, но онъ очевидно сумасшедшій, какъ справедливо замѣтилъ г. Воловскій.

Да, собственно говоря, нельзя сказать, чтобы коммунистическое или социалистическое ученіе отвергало право собственности. Право собственности можетъ принадлежать какъ недѣльному чловку, такъ и обществу, всему чловчеству. И въ этомъ заключается споръ между экономистами и коммунистами. Одни относятъ право собственности къ чловку недѣльному, другіе приписываютъ его единственно чловку-обществу. Итакъ, если

говорится, что коммунистическое ученіе отвергаетъ право собственности, то должно добавить—индивидуальной. Не входя въ ршеніе этого спора, можно однакожь отъ спорщиковъ требовать послѣдовательности самимъ себя, и вѣрности во всякомъ случаѣ разъ принятому началу,—требовать, чтобы они не ршали одного и того же вопроса по двумъ различнымъ началамъ. Кто требуетъ права собственности индивидуальнаго для одного предмета или блага, необходимо долженъ допустить тоже право и для другихъ предметовъ и благъ.

Изъ перваго понятія, заключающагося въ правѣ собственности, т. е. изъ *права дѣйствовать на природу*, рождается самъ собою вопросъ: На все ли безъ изъятія предметы можетъ распространяться право дѣйствовать, принадлежащее чловку-недѣльному и чловку-обществу? Что можетъ, и что не можетъ составлять предметъ этого права? Теперь, напр., почти вездѣ ршено, что чловкъ не можетъ быть предметомъ этого права. А давно ли плантаторы французскихъ колоній, когда хотѣли возвратитъ свободу ихъ невольникамъ, кричали, что ихъ лишаютъ *ихъ собственности*? Прудонъ доказывалъ, что земля не можетъ быть предметомъ собственности индивидуальной. Точно также, какъ г. Воловскій и Брюссельскій конгрессъ того же мнѣнія о нравственныхъ благахъ, называемыхъ истина, добро, красота. Еще разъ повторяемъ, что не входимъ ни мало въ разбирательство мнѣній какъ противниковъ, такъ и защитниковъ индивидуальной собственности, но что непременно требуемъ отъ нихъ и другихъ послѣдовательности своимъ мнѣніямъ. Посмотримъ, послѣдовательны ли своимъ мнѣніямъ допускающіе индивидуальную собственность всякаго предмета, за исключеніемъ благъ, предлагаемыхъ чловку науками и искусствами.

Сперва замѣтимъ, что очевидно, что мнѣніе желающихъ ограничить пользованіе интеллектуальною собственностію на известное время, въ своей сущности тождественно съ мнѣніемъ рѣшительныхъ ея противниковъ; потому мы займемся исключительно этимъ послѣднимъ.

Всѣ вообще противники индивидуальнаго права литературной и артистической собственности выразили то мнѣніе, что общество имѣетъ *нравственное право* на произведенія наукъ и искусствъ, тогда какъ ихъ авторы имѣютъ только *право матеріальное*. Не странное ли это злоупотребленіе словъ: матеріальный и нравственный? И что такое *право нравственное*, и что *право матеріальное*? Далѣе они сказали, что *интересъ общества* противится тому, чтобы признать право авторовъ безграничнымъ. Не тоже ли самое сказали коммунисты? И слѣдовательно противники права собственности интеллектуальной, когда они консерваторы, экономисты, не послѣдовательны своимъ началамъ: они дѣлаютъ сами то, за что осуждали другихъ.

Г. Воловскій изрекъ мнѣніе, что все затрудненіе въ этомъ вопросѣ происходитъ отъ того, что смѣшивается право на *продуктъ созданный* съ правомъ на *воспроизведеніе* того же продукта. Сущность этого мнѣнія можно развить такъ: литературная и артистическая собственность состоитъ въ тѣхъ матеріальныхъ предметахъ, которымъ сообщена мысль, идея автора, напр. въ книгѣ, въ которой излагаются истины науки, въ музыкальномъ сочиненіи, въ картинѣ, статуѣ. Въ этихъ предметахъ заключается трудъ автора, авторъ имѣетъ право только на эти предметы, но не болѣе. Онъ воспользовался своимъ правомъ, онъ ихъ уступилъ или продалъ, и—право его кончилось. Что это дѣйствительно составляетъ сущность мнѣнія г. Воловскаго, въ томъ можно убѣдиться между

прочимъ и изъ словъ его, произнесенныхъ въ томъ же заведеніи 29 сент.; онъ, обращаясь къ автору, говоритъ: вы имѣете право на ваше произведеніе, но вы его не можете защищать (*vous l'avez livré*), слѣдовательно имъ можетъ завладѣть всякій. » Если бы подъ именемъ *произведенія, труда*, г. Воловскій разумѣлъ что-нибудь другое, кромѣ *книги проданной*, то его мнѣніе можно бы назвать по крайней мѣрѣ страннымъ. Какъ! потому только, что я не могу защищать своей собственности, всякій можетъ завладѣть ею безнаказанно? Но будемъ продолжать далѣе развивать мнѣніе г. Воловскаго: одинъ работникъ произвелъ *замокъ*, т. е. изъ массы природы извлекъ *кусокъ желѣза* и, примѣнивъ къ нему трудъ физическій и нравственный, преобразовалъ этотъ кусокъ желѣза въ *замокъ*. Другой работникъ произвелъ *курсъ физики*, т. е. изъ массы элементовъ извлекъ бумагу, и, примѣнивъ къ ней трудъ физическій и нравственный, преобразовалъ его въ *курсъ физики*. Третій работникъ изъ массы природы извлекъ *кусокъ мрамора*, и, примѣнивъ къ нему трудъ физическій и нравственный, преобразовалъ его въ *статую танцовщицы*. Спрашивается: есть ли разница между этими работниками? Производитель замка, топора, и проч., продавъ разъ эти предметы, можетъ ли требовать, чтобы никто, кромѣ его, не дѣлалъ ихъ болѣе? Почему полагаете, что это право *запрещать воспроизведеніе* должно быть даровано работнику-производителю курса физики, или статуи?—Дѣло въ томъ, что г. Воловскій, рассуждая такимъ образомъ, рассуждаетъ не вѣрно. Чтобы его убѣдить въ этомъ приведемъ притчу: жилъ-былъ золотокопатель на Фразеровой рѣкѣ. Этотъ золотокопатель приобрѣлъ тамъ много кусковъ золота, цѣною на 100 т. фр., и, отправившись въ Нью-Йоркъ, отдалъ приобретенное имъ золото одной компаніи, которая, въ теченіи

ни 10 лѣтъ платила ему ежегодно по 4 т. фр. По истеченіи этого срока, золотокопатель явился въ компанію и требовалъ годичной уплаты 4 т. ф., или возврата золота. (Это было около того времени, когда въ Брюссель собрался конгрессъ литературной и артистической собственности.) Но директоръ компаніи сказалъ ему: «вы, милостивый государь, этого золота не съѣдали, а вы брали его въ массу элементовъ, которая не принадлежитъ вамъ исключительно. Хотя вы и говорите, что вы приобрѣли это золото вашими трудами и напряженіемъ вашихъ силъ, но намъ положительно извѣстно, что вы сами, со всеми вашими силами и способностями, составляете только проявленіе, порожденіе общества. Вы могли наслаждаться вашимъ золотомъ созерцательно, въ тишинѣ вашего кабинета, но *разъ* отдавъ его (*l'aupant livré*), вы не имѣете больше на него права; теперь общество предъявляетъ свое право, общество, которое имѣетъ интересъ владѣть этимъ золотомъ, и пользоваться имъ, не платя за то ни гроша; вы же должны довольствоваться славою, что его отыскали», — такъ глаголетъ г. Камель на брюссельскомъ конгрессѣ. Это золото надо у васъ конфисковать еще и на томъ основаніи, что вы пожалуй послушаетесь еще какого-нибудь романтика или фанатика монаха, которые васъ увѣрятъ, что этотъ подлый металлъ причина всѣхъ несчастій на землѣ, и чего добраго еще его уничтожите. Очевидно, любезный, вы смѣшиваете право на продуктъ, за который вы въ теченіи десяти лѣтъ получили больше, чѣмъ бы слѣдовало, съ правомъ на воспроизведеніе того же продукта, представляемымъ ежегодными процентами, приносимыми золотомъ, и которое право, съ вашего позволенія, мы беремъ себѣ, тѣмъ болѣе, что мы составляемъ общество на акціяхъ. Я вамъ, добавилъ директоръ по-пріятельски, со-

вѣтую уйти и оставить ваши неосновательныя требованія, не то мы обратимся съ жалобой на васъ къ г. Воловскому, какъ члену Брюссельскаго конгресса.

Но упрямый золотокопатель возразилъ на это: я извлекаю это золото изъ массы матеріи, и не мало не объявляю претензіи на собственность ни этой массы матеріи, ни даже на золото, которое я извлекъ; но на извлеченіе, не столько золота, сколько *полезности*, въ немъ заключающейся, я употребилъ мой *трудъ* (я довольно учился немецкой философіи, чтобы знать, что я, — Яич), и потому я претендую на собственность моего *труда*, вѣчно присущаго золоту, о которомъ идетъ рѣчь; и я предполагаю пользоваться этимъ правомъ собственности, и мои дѣти, и дѣти моихъ дѣтей, въ которыхъ продолжается моя личность; а равнымъ образомъ претендую на право воспроизведенія полезности этого золота, т. е. на право получать отъ него проценты ежегодно, и вѣчно, такъ какъ трудъ мой вѣчно присущъ этому золоту. (Надѣюсь, я хорошо защищаю фамилію и собственность). Если же вы не удовлетворите моего желанія и требованія, то вы социалистъ, коммунистъ, врагъ собственности и фамиліи (что ужъ за фамилія безъ собственности?), и я на васъ буду жаловаться г. Воловскому, защитнику собственности и фамиліи. До сихъ поръ споръ не рѣшенъ, *adhuc lis pendet*, надо надѣяться, что рѣшеніе по этому дѣлу появится скоро въ одномъ изъ номеровъ журнала *le Droit*.

Трудъ сочинителя физики состоялъ не только въ томъ, чтобы написать *курсъ физики*, чтобы изложить какую-нибудь истину на бумагѣ, но прежде всего, и главнымъ образомъ онъ состоялъ въ преслѣдованіи, обработкѣ и уясненіи этой истины; трудъ его былъ примененъ не только къ бумагѣ, но предварительно, и главнымъ образомъ онъ былъ примененъ къ самой истинѣ, или соб-

рацію истинъ, которыя онъ извлекъ изъ массы истинъ, составляющихъ, по мнѣнію конгресса, общую собственность человечества. Точно также, какъ трудъ золото-промышленника состоялъ не только въ томъ, что онъ принесъ свое золото въ банкъ (это его способъ дѣлать изданіе своего *произведенія*), но преимущественно, и главнымъ образомъ въ томъ, что онъ его выкопалъ. Трудъ его былъ примѣненъ не только къ производству посредствомъ золота той или другой цѣнности (въ чемъ банкъ служилъ ему только посредникомъ, точно такъ, какъ издатель и книгопродавецъ служатъ посредниками авторамъ при производствѣ цѣнности ихъ нравственными благами), но прежде всего, и главнымъ образомъ трудъ его былъ примѣненъ къ изслѣдованію золотоносныхъ росышей, и къ самому золоту, которое онъ извлекъ изъ массы элементовъ, принадлежащей, по г. Прудону, всему человечеству. Г. Воловскій, какъ онъ себя хочетъ, но если желаетъ быть послѣдовательнымъ своимъ принципамъ, долженъ непременно допустить безграничное и индивидуальное право интеллектуальной собственности; точно также, какъ г. Прудонъ долженъ по той же причинѣ отвергнуть это право,—что онъ впрочемъ и дѣлаетъ. Да впрочемъ, тотъ, кто признаетъ начало индивидуальной собственности,—экономистъ, долженъ, если желаетъ быть послѣдовательнымъ своему принципу, допустить вѣчное право исключительнаго воспроизведенія и *первому изобрѣтателю* замка, ножа, сапоговъ, и пр. Трудъ этого изобрѣтателя былъ примѣненъ не только и единственно къ желзу, кожѣ и т. д., но предварительно, и главнымъ образомъ былъ примѣненъ на созданіе *модели* замка, ножа, т. е. на изытаніе этой модели изъ массы *идей полезнаго*, и эта модель, en bonne justice, какъ и ея вѣчное воспроизведеніе, должна бы составлять его исклю-

чительную собственность. Только, такъ какъ этотъ первый изобрѣтатель умеръ, не *предъявивъ своего права* и не передавъ его никому, то оно перешло къ человечеству. Очевидно, что тоже ученіе непременно и необходимо надо примѣнить и къ *привилегіямъ на новыя изобрѣтенія*. Дѣло въ томъ, что человѣческія общества образовались исторически, почти безъ вліянія строгой логики и безъ системы; одни общественныя отношенія выжили по системѣ права собственности общаго, другія по системѣ противоположной. Вся напр. изобрѣтенія самыя первоначальныя и самыя полезныя инструментомъ подпали подъ систему собственности общей; въ некоторыхъ странахъ даже поземельная собственность управляетъ на основаніи этой системы. Теперь, кажется, приходитъ время изслѣдованія для этихъ системъ, и попытки утвердить общественныя сношенія на началахъ болѣе разумныхъ и справедливыхъ. Вотъ почему одни мыслители желали бы все вновь возникающія отношенія установить на началахъ собственности общей (къ нашему несказанному удивленію г. Воловскій принадлежитъ къ ихъ числу), и даже подвести подъ эту систему отношенія, уже вылившія прежде, по системѣ противоположной. Другіе мыслители разоборствуютъ подъ знаменами системы собственности индивидуальной. Не произнося суда между этими двумя, взаимно другъ друга исключаящими воззрѣніями, можно ихъ понять и объяснить, и на основаніи непреложныхъ законовъ логики приходится заключить, что истина—на сторонѣ котораго-нибудь изъ нихъ одного. Но что сказать о тѣхъ, которые рѣшеніе свое основали на какой-то логически-невозможной серединѣ?

Если вникнуть въ теперешній образъ производства промышленности, основанной на началѣ собственности индивидуальной, и на общественныя отношенія, изъ него

проникающая, то еще больше убедимся, что всякій защитникъ системы собственности индивидуальной, если хочетъ быть последовательнымъ своимъ принципамъ и вмѣстѣ справедливымъ, необходимо долженъ допустить индивидуальное и безграничное право собственности интеллектуальной. Въ самомъ дѣлѣ, всякій промышленный дѣятель (а въ обществѣ это качество принадлежитъ всѣмъ его членамъ) для того, чтобы имѣть возможность жить, долженъ получать *доходъ*. Доходъ этотъ онъ получаетъ, по мѣрѣ своего участія въ промышленности, т. е. по мѣрѣ того, какъ онъ производитъ цѣнности; и по правилу *chacun pour soi*, тѣмъ лучше для него, если онъ, какъ можно скорее, скопнѣ столько цѣнностей, что изъ нихъ составитъ силу, которая бы производила цѣнности для него, т. е. капиталъ; тѣмъ лучше для него, чѣмъ скорее онъ изъ работника, изъ незваннаго гостя въ обществѣ, сдѣлается капиталистомъ, настоящимъ членомъ общества; потому что, будучи только капиталистомъ, онъ можетъ совершенно спокойно обзаводиться семействомъ, которому и оставить свой капиталъ въ наследство. (*Enrichissez—vous!*). Если это такъ, то по какому праву, во имя какого начала, на какомъ основаніи, послѣ истечения известнаго срока, отнимать у наследниковъ нравственнаго дѣятеля ихъ—капиталъ?

Прибѣгаемъ еще разъ къ притчѣ о золотоискателѣ. Онъ применилъ свой трудъ къ массѣ золота, и это золото составляетъ его собственность. Это золото ценно, потому что за него онъ можетъ получить другіе цѣнные предметы. Владѣлецъ этого золота предназначаетъ его на производство новыхъ цѣнностей, которыя составятъ тоже его собственность, и которыя представляются въ видѣ процентовъ, получаемыхъ имъ периодически; и стало быть эти цѣнности дѣйствительно существуютъ. Авторъ

применилъ свой трудъ къ какой-нибудь истинѣ, доселѣ неизвѣстной, напр. къ теоріи *плотня*, истина эта составляетъ его собственность; она цѣнна, потому, что за нее авторъ можетъ получить другіе предметы цѣнные. Но онъ дѣлаетъ изъ этой истины капиталъ, силу, предназначенную производить новыя цѣнности, которыя представляются въ видѣ гонорарій, платимыхъ автору при всякомъ новомъ изданіи книги, въ которой заключается его истина или собраніе истинъ. Что эти цѣнности дѣйствительно существуютъ, это доказывается возможностью сдѣлать второе, третье и т. д. изданіе. Если этой возможности нѣтъ, то нѣчего и говорить объ интеллектуальной собственности. Какъ всякій капиталистъ получаетъ проценты отъ своего капитала только подъ такимъ условіемъ, если его капиталъ дѣйствительно производитъ новыя цѣнности, такъ точно и всякій авторъ, дѣлая новое изданіе своей книги, получаетъ только проценты отъ своего капитала, называемаго: истина, добро, красота, —капитала, который онъ создалъ, то есть извлекъ изъ общей массы идей, совершенно тождественно тому, какъ золотоискатель извлекъ свое золото изъ общей массы алмазиковъ. Этотъ капиталъ тогда только принесетъ проценты, когда произведетъ дѣйствительно новыя цѣнности, то есть, когда изданіе его книги будетъ раскуплено. Чего добраго! Пожалуй, кто-нибудь возразитъ: да такимъ образомъ проценты, получаемые авторами, будутъ слишкомъ значительны! (О Боже! авторскіе доходы слишкомъ велики, о Тюркаретъ! о Робертъ-Макэръ!) А вамъ что за дѣло? Въдѣ политическая экономія провозгласила начало *свободы транзакцій*, т. е. разрѣшила капиталисту брать проценты отъ его капитала такіе, какіе ему согласятся дать потребители этого капитала. Въдѣ это начало старались же недавно еще ввести въ сардинское законодательство.

Но необходимо еще заняться золотоискателемъ и его золотомъ. Почему желаютъ обладанія золотомъ? почему желаютъ имѣть на золото право исключительной собственности? Не потому ли, что оно заключаетъ въ себѣ цѣнность? Чтобы убѣдиться въ томъ, что золото дѣйствительно имѣетъ это качество, что оно цѣнно, стоитъ только предложить его на рынокъ, подвергнуть его испытанію *рынка*. Какъ скоро есть люди, которые соглашаются за золото отдать другіе предметы цѣнные, нужно заключить, что золото цѣнно. Почему люди соглашаются, въ замѣнъ золота, отдать другіе предметы цѣнные?—Очевидно потому, что ощущаютъ въ немъ потребность. И такъ цѣнность производится всякій разъ, какъ скоро потребность приходитъ въ соприкосновеніе съ какимъ-нибудь благомъ, могущимъ ее удовлетворить немедленно. Каждый разъ какъ это случается, цѣнность рождается. Если, посредствомъ пріема, хорошо известнаго въ промышленности и политической экономіи, подъ именемъ *сбереженія*, накопится значительная масса, напр. золота, и предназначится къ дѣйствованію въ видѣ постоянного удовлетворенія потребностей, непрерывно возражающихся, то это золото образуетъ капиталъ, силу, производящую цѣнности периодически, постоянно, вѣчно, т. е. доколѣ существуетъ на землѣ человеческое общество, или его потребности. Итакъ въ строгомъ смыслѣ, желательно имѣть право исключительной собственности не на *золото*, но на *цѣнности*, которыя оно можетъ рождать периодически. Безъ существованія человеческого общества, стало бытъ безъ возможности производить цѣнности, золото никуда не годится, и никто бы о немъ не заботился. И общество, и законы, и Брюссельскій конгрессъ признаютъ за владѣльцами исключительное право вѣчной собственности на цѣнности, производимыя ихъ золотомъ. Почему желательно имѣть право исключительной собствен-

ности на *физическій законъ тяготѣнія*? на *идеалъ, заключенный въ статуѣ танцовщицы*?—Именно потому, что этотъ законъ, этотъ идеалъ *цѣнны*. Какъ можно въ этомъ убѣдиться?—Подвергая ихъ испытанію *рынка*. Есть ли люди, соглашающіеся за этотъ законъ, за этотъ идеалъ, дать другіе предметы цѣнные? если есть, то очевидно: законъ и идеалъ цѣнны. Почему люди соглашаются за законъ, за идеалъ дать предметы цѣнные?—очевидно потому, что ощущаютъ въ нихъ потребность. И здѣсь цѣнность рождается отъ прикосновенія потребности съ благомъ невещественнымъ. Это благо, истина, законъ, идеалъ, могутъ превратиться въ капиталъ. Представимъ себѣ, что одно изданіе учебной книги, поэмы, исчерпано. Владѣлецъ мысли, идеала, истины, заключающихся въ книгахъ этого изданія, *делаетъ новое*. Если есть лица, соглашающіеся за это новое изданіе дать другіе цѣнные предметы, то очевидно, что эти лица ощущаютъ въ нихъ потребность, а следовательно ихъ появленіе произвело цѣнность. Какъ разъ повторяемъ: для автора дѣлать первое, второе, третье и т. д. изданіе его книги значитъ получать проценты отъ своего капитала. Желательно имѣть право собственности не на мысль, идеалъ, истину, но на *цѣнность*, которую они въ состояніи произвести. Но это право собственности на цѣнность, производимую нравственными благами, почему-то ни г. Воловскій, ни Брюссельскій конгрессъ признавать не хотятъ. Мы однако ихъ спросимъ: гдѣ же разница между «собственностью *промышленною* и собственностью интеллектуальною?» И во что обратится разница «между началомъ собственности, которое есть основаніе общества и абсолютными правами авторовъ на ихъ произведенія»?—разница, придуманная г. Воловскимъ.

Теперь легко рѣшить приведенные выше вопросы:

1) Въ чемъ состоитъ право собственности интеллек-

туальной?—Это право состоит во власти и возможности, принадлежащей интеллектуальному деятелю, пользоваться исключительно *цѣнностью*, производимую нематериальнымъ благомъ, которое онъ создалъ, нашель, или изобрель.

2) Это право различается ли, и если различается, то чѣмъ именно, отъ причинъ родовъ собственности?

Не различается ничѣмъ рѣшительно.

3) Что можетъ быть предметомъ права интеллектуальной собственности?

Предметомъ права собственности интеллектуальной, какъ равно и предметомъ всѣхъ прочихъ родовъ права собственности, если есть другіе роды этого права, можетъ быть только: *цѣнность*.

Итакъ Брюссельскому конгрессу предстояло рѣшить важный вопросъ о принципѣ интеллектуальной собственности. На основаніи строгихъ законовъ логики, рѣшеніе это должно было быть положительное или отрицательное. Конгрессу предстояло сказать или: авторъ ученой книги, поэмы, музыкальной пѣсы, картины, статуи, и т. д. имѣетъ неоспоримое индивидуальное право на *цѣнности*, произведенныя идеалами и истинами, заключающимися въ книгѣ, картинѣ и т. д., и это право можетъ передать своимъ наследникамъ до безконечности; или провозгласить другое начало и сказать: что какъ идеалы, истины и т. д., какимъ-бы они образомъ ни появились въ мірѣ, принадлежатъ всему человечеству, а следовательно и *цѣнность*, ими производимая, не можетъ принадлежать никому исключительно. Но въ такомъ случаѣ, конгрессу предстояла необходимость не признавать правъ автора и въ теченіе его жизни, и даже отказать ему въ вознагражденіи за первое изданіе. Но конгрессу въ такомъ случаѣ еще предстояла и другая необходимость—примѣнить это начало и къ другимъ родамъ труда.

И. Ястржембскій.

НѢКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ЗАПРЕТИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ ЕВРОПѢ.

«Невозможно, говорить Сюлли (*), климаты страны и мѣстности различны, по волею Божіей разнообразятся и ихъ свойства, удобства, произведенія, материалы, искусства и ремесла различны и спеціальны. Они необщы имъ всѣмъ, или по крайней мѣрѣ не всѣмъ одинаковаго качества, на томъ концѣ, гдѣ производится торгъ и коммерція сими предметами, обильнѣе, чѣмъ на другомъ концѣ, и долговѣящаяся въ недостатокъ въ другой, и следовательно сообщеніе націй между собой, какъ бы онѣ ни были отдалены другъ отъ друга, что великія путешествія въ Индію восточную и западную, такъ несомнѣнно доказываютъ».

Сюлли писалъ не нѣмѣншимъ французскимъ слогомъ и въ переломѣ мы нарочно придержались нашихъ русскихъ оборотовъ, болѣе соответственныхъ старинному ихъ характеру. Но дѣло не въ слогѣ, а въ истинѣ, и истина, возвѣщенная министромъ ея высочества Генриха IV-го, какъ краеугольный камень науки политической экономіи, есть въ тоже время скала-аксіома, о которую разбиваются всѣ теоріи монополій, всѣ теоріи системы запретительной.

И дѣйствительно: Богъ создалъ міръ, распредѣляя различныя произведенія по разнымъ странамъ, различныя производительныя силы по разнымъ климатамъ, различныя богатства по разнымъ народамъ, и желалъ, чтобы всѣ люди были связаны между собой взаимной нуждою и, сохраняя миръ и согласіе, разбивались бы избытками своей, *въ потѣ лица, жизни*. Но страсти человѣческія разрушили этотъ Божественный порядокъ. Слепой эгоизмъ заду-

(*) Encyclopédie nouvelle, art. Sully.